

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАШКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

О.Н. Корочкова

Статья посвящена изучению ташковской культуры эпохи бронзы Нижнего Притоболья. Причину затянувшейся и далеко не всегда плодотворной дискуссии автор усматривает в ограниченном круге ее участников; уязвимости предлагаемых интерпретаций, опережающих анализ полученных данных. Обоснована необходимость критики привлекающихся источников и анализа культуры с точки зрения включенности в общий контекст формирующейся Евразийской (Западно-азиатской) металлургической провинции позднего бронзового века.

Бронзовый век, Нижнее Притоболье, ташковская культура, сейминско-турбинский.

Оценивая состояние дискуссии по ташковской культуре [Ковалева, 1988, 1995, 1996, 1997а, б, 2005; Ковалева и др., 2000; Рыжкова, 1994, 1999], можно отметить узкий круг участников, ограниченный основным исследователем В.Т. Ковалевой и ее учениками, а также явное смещение акцентов в область обсуждения мировоззренческих аспектов. В результате сложился образ исключительной культуры, которая воспринимается как некий индоевропейский анклав в Нижнем Притоболье. Публикация призвана обратить внимание на некоторые проблемные ситуации в изучении данного археологического образования и оценить интерпретационные ресурсы привлекающихся источников.

Ташковская культура является компактным археологическим образованием эпохи бронзы Нижнего Притоболья. Линейка известных радиоуглеродных калиброванных дат позволяет определить ее возраст — около 2050±200 лет до н.э. [Ковалева, 2005, с. 105], что соответствует основному диапазону культур позднего бронзового века (ПБВ-1) в рамках глобальной периодизации эпохи раннего металла и объективно свидетельствует о синхронности ташковской культуры синташтинским и сейминско-турбинским комплексам [Черных, 2007, с. 84–86, рис. 5.10]. Тем не менее В.Т. Ковалева и ее соавторы последовательно отстаивают версию о досейминском возрасте ташковских древностей, предопределяя тем самым приоритетное значение исследуемой культуры в формировании некоторых феноменов эпохи бронзы и предполагая ее магистральную роль в культурогенезе региона.

Адекватному решению проблемы культурно-хронологической позиции ташковских древностей в системе культур и общностей эпохи бронзы Урала и Западной Сибири способствует, на мой взгляд, изучение археологической культуры с точки зрения «набора специфических и всеобщих категорий типов артефактов, которые неслучайным образом встречаются вместе в комплексах в пределах ограниченного географического ареала» (Кларк). Раскрытие общих/фоновых признаков прямо указывает на положение культуры в системе связей региона, а выявление специфических ориентирует на особенности культурогенеза, исторических судеб. Именно с этих позиций протестируем ташковские древности.

Посуда ташковской культуры соответствует керамическим стандартам комплексов кротовско-елунинского массива начальной поры бронзового века подтаежной и лесостепной полосы Западной Сибири. Их фоновыми признаками являются плоскодонность, слабая профилировка, присутствие ребристых форм, сплошная орнаментация, «волнистый венчик», фигурные валики, декорирование днищ снаружи, а иногда изнутри, штриховые следы на внутренней поверхности, устойчивое соотношение нескольких орнаментальных стилей, среди которых стабильно представлены «шагающе-протащенный гребенчатый», «отступающе-накольчатый», «печатно-гребенчатый», оттиски гладкого штампа, ямочные наколы. Специфический комплект ташковских признаков составляют: высокий процент посуды, украшенной в отступающе-накольчатой технике, присутствие в декоре ямок, типичных для орнаментаки таежной зоны.

Однако простая и очевидная процедура поиска аналогий ташковской керамике стала предметом острого спора. В.Т. Ковалева отмечает кажущиеся ей очевидными параллели ташков-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 10-06-00405а.

Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры

ских комплексов с елуническими, но отнюдь не кротовскими. Это стремление вытекает из принципиальной позиции о досейминском возрасте ташковской культуры [Ковалева, 2005, с. 106, 107]. На самом деле вести плодотворную дискуссию по данному вопросу сложно, так как речь идет о необходимости доказывать очевидное сходство некоторых образцов ташковской и кротовской посуды (достаточно сравнить рисунки к двум статьям, посвященным ташковской и кротовской культурам, опубликованным в одном сборнике: см. [Ковалева, 1988, рис. 6, 7; Стефанова, 1988, рис. 2, 3]). Кротовские параллели вызывает прежде всего керамика, орнаментированная «шагающей гребенкой» [Ковалева и др., 2000, рис. 15; 16, 1; 21, 3]. Керамика, украшенная прочерченными узорами, прямые соответствия находит в посуде логиновского типа [Корякова и др., 1991, с. 21], которая также сопутствует кротовско-елуническим комплексам [Стефанова, Стефанов, 2007, с. 85–86].

Вещевой комплект представлен разнообразными предметами из камня, глины, есть многочисленные обломки металлических предметов. Каменная индустрия продолжает традиции энеолитического времени: использование южно-уральских источников сырья (кремнистые породы, яшма), пластинчатую технику, дальнейшее развитие вторичной обработки, но демонстрирует и характерные инновации. Специально отметим в составе ташковских серий наконецники: треугольные с плоским основанием и черешковые, являющиеся транскультурным фоновым признаком ПБВ-1. Они сопровождают синташтинские, сейминско-турбинские и самусьско-кижировские комплексы. Многие каменные предметы изготовлены при помощи металлических орудий. Трасологический анализ свидетельствует о наличии орудий, предназначенных для жатвы, обработки шкур, работ по дереву [Ковалева, 1997а, с. 42–45; Ковалева и др., 2000, с. 62–64].

Своеобразными индикаторами ташковской культуры являются рыболовные грузила — слегка изогнутые, с раздвоенными концами, длиной 8–10 см, без орнамента. Не совсем понятна и определена связь с ташковскими комплексами грузил другого типа — овально-уплощенных с одним продольным или двумя перекрещивающимися желобками. В монографии о ЮАО XIII [Ковалева и др., 2000, с. 74] и специальной статье [Шаманаев, Симонов, 1998, рис. 1, 3, 4, с. 209–211] они упоминаются в ташковском контексте, а в более поздней статье утверждается «случайность появления... грузил с желобками» [Ковалева, 2005, с. 108]. Характерными изделиями этого времени являются орудия на фрагментах керамики: скребки по шкуре, абразивы [Ковалева и др., 2000, с. 54]. Металлические предметы в ташковских комплексах представлены исключительно мелкими обломками [Ковалева, 1997а, рис. 49, 1–9; Ковалева и др., 2000, рис. 52, 1, 2], поэтому ассортимент орудий и украшений неизвестен. О.В. Рыжкова упоминает о находке медного сосуда на пос. Иска III [1999, с. 42]².

Погребальный обряд ташковской культуры неизвестен, так как могильники не обнаружены. Единственным условно ташковским может быть названо погребение, выявленное на территории Чистослебяжского могильника, относящегося к ранней фазе алакульской культуры. Здесь, в неглубокой яме 0,8×0,6×0,2 м, вверх дном стояли два горшка (один в другом), украшенные в отступающе-накольчатой технике [Матвеев, 1995, с. 48–52; 1998, с. 112–113]. Они не относятся к разряду типичных сосудов ташковской культуры, но вряд ли это должно сильно смущать, если принять во внимание, сколь разительно могли отличаться поселенческие и погребальные экземпляры [Молодин, Ламина, 1989, рис. 1–6; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 119–122]. По облику это погребение выделяется среди основных захоронений алакульского типа и самые близкие соответствия находит в погребальных комплексах кротовско-елунического массива, для которых, в частности, характерно помещение сопроводительного инвентаря на перекрытие могилы или рядом с ней [Молодин, Ламина, 1989, с. 104; Стефанова, Стефанов, 2007, с. 87–89; Сатыга XVI..., 2011, с. 54]. Другой заметной особенностью является малое количество керамики и наличие безынвентарных погребений. Подобная ситуация отмечена при раскопках могильников Сопка-2 [Молодин, Ламина, 1989, с. 103–104], Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 89–98], Телеутский Взвоз [Киришин и др., 2003, с. 78, 110]. И еще одна, очень важная деталь. Среди погребальной посуды кротовско-елунического массива присутствуют сосуды, в том числе с отступающе-накольчатым декором [Молодин, Ламина, 1989, с. 115, рис. 5, 1; Матющенко, Сени-

² Общей чертой публикаций, посвященных ташковским поселениям, является отсутствие разделов об инокультурных комплексах. Трудно поверить, что таковых не было, так как для Нижнего Притоболья типична многослойность археологических памятников. А между тем анализ таких ситуаций позволяет адекватно оценивать нетипичные находки в составе ташковских комплексов (медный сосуд, глиняная булава (?!), глиняные шарики, грузила с перехватом, посуда алакульского типа).

цына, 1988, с. 95, рис. 87, 4; Кирюшин и др., 2003, с. 81–89, рис. 48, 53], которые исследователи до выделения ташковской культуры сравнивали с логиновскими³.

Имеющиеся остеологические коллекции определенно указывают на присваивающий тип *хозяйства* ташковской культуры. П.А. Косинцев допускает, что южные группы населения имели в своем хозяйстве какое-то количество домашних животных. Однако вряд ли эта отрасль хозяйства была у них сколько-нибудь развита, и животноводство не смогло стать конкурентом охоте. Охота имела ярко выраженное «мясное» направление, основным промысловым животным был лось. Кости лошади, по его мнению, принадлежат дикой форме [Косинцев, 1999, с. 82–83]. Большое значение имели занятия рыболовством.

Обилие свидетельств бронзолитейного производства как будто предполагает высокий уровень металлообработки, однако целых изделий в инвентарном комплексе ташковской культуры нет. Тигли представляют собой емкости, вылепленные на стенке сосудов путем прикрепления бортиков, или специальные емкости ладьевидной формы. В коллекции ЮАО XIII присутствуют крупные фрагменты тиглей, украшенные елочным орнаментом в технике печатной гребенки. Металл пос. Ташково II представлен обломками пластинок и сплесками бронзового сплава с незначительной примесью олова [Ковалева, 1997а, с. 36, табл. 4]. Металлический лом, собранный в жилище 13 ЮАО XIII, авторами определен как медный [Ковалева и др., 2000, с. 78]. При отсутствии ссылки на специальные анализы данный вывод кажется недостаточным. В это время в Зауралье использовались две основные рецептуры бронзовых сплавов: на основе «чистой» или «мышьяковой» меди (абашевско-синташтинская общность Евразийской металлургической провинции) и с примесью олова (сейминско-турбинский конгломерат) [Черных, 2007, с. 80–86], что прямо указывает на принадлежность к конкретному металлургическому очагу и кругу информационных связей.

К настоящему времени раскопано более 50 *жилищ* ташковской культуры [Ковалева, 2005, с. 107]. Между тем из имеющихся публикаций сложно получить представление о характере ташковских построек. Из 17 жилищ ЮАО XIII опубликован только план жилища 3, из 12 жилищ Ташково II не представлено ни одного индивидуального чертежа. Планы ограничены единственной фиксацией, нет сводных чертежей разрезов, поэтому рассуждения авторов приходится принимать на веру. Ташковские постройки исследованы также на поселениях Ук III (3 объекта, разрушенных более поздними строениями), Иска III (9 из 10 жилищ), Заводоуковское X (12 жилищ, нарушенных бархатовскими объектами).

Остатки жилищ фиксируются в виде прямоугольных или квадратных котлованов, углубленных в материковую почву на 0,3–0,4 м, от уровня древней поверхности — на 0,5–0,6 м [Ковалева, 1988, с. 32; Корякова и др., 1991, с. 16–17]. В.Т. Ковалева и ее коллеги считают, что ташковские дома были одно- или двускатными бревенчатыми срубными наземными постройками площадью 40–50 м², крытыми камышом или соломой⁴, при этом нижние 1–2 венца укладывались вдоль стен котлованов [Ковалева, 1997а, с. 21–22; Ковалева и др., 2000, с. 45; Рыжкова, 1999, с. 40]. Выходы были обращены внутрь поселения. Во всех жилищах находились очаги — наземные или слегка углубленные. Обнаружены следы бронзолитейного производства в виде льячек, тиглей, мелких медных изделий.

Представленная исследователями реконструкция ташковских жилищ вызывает много вопросов. Сомнительной представляется версия о срубах, нижние венцы которых углублялись в землю. С точки зрения целесообразности такая строительная техника вряд ли могла иметь место. Отсутствие столбовых ям в котлованах позволяет предполагать иные варианты крепления каркаса. Скорее всего, какие-то конструкции находились за пределами углубленной части, при этом ямы для столбов выкапывались в гумусовом горизонте и потому в материковом слое не фиксировались. К сожалению, обосновать такой вариант сооружения ташковских построек невозможно из-за отсутствия полноценных публикаций. Сведения, которые содержатся в отчетах о раскопках, также предельно скупы и предоставляют крайне ограниченные возможности для реконструкций. Аналогии срубным сооружениям в сопредельных культурах неизвестны. Постройки эпохи бронзы в массе относятся к типу каркасно-столбовых [Очерки культурогенеза..., 1995, с. 124–128].

³ В этой связи хочу поделиться следующим соображением. Если бы при присвоении имени ташковской культуры В.Т. Ковалева обратилась к первоначальному термину «логиново», проблемы ее сложения и контекста приобрели бы иные, с моей точки зрения, более конструктивные перспективы.

⁴ Солома — стебли хлебных злаков, остающиеся после обмолота (словарь Ожегова).

Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры

Отдельно следует обратить внимание на особенности организации ташковских *поселков*, среди которых известны поселения с кольцевой и нерегулярной планировкой. Сведения о поселениях с неупорядоченной планировкой крайне немногочисленны. Они, по сути, исчерпываются публикацией поселения Ук III [Корякова и др., 1991], хотя анализ ташковских памятников Тюменского Притоболья прямо указывает на бытование таких поселений. Они известны на Андреевском озере, на р. Дуван, в окрестностях Заводоуковска и Упоровском районе. Здесь перечислены только те места, где мне как автору или участнику раскопок и разведок довелось наблюдать подобную ситуацию. Об этом же свидетельствуют результаты комплексного изучения Ингальской долины [Волков, 2007, с. 13]. Однако основное внимание специалистов невольно обращено только к феномену так называемых круглоплановых поселений.

На сегодняшний день полностью раскопано четыре поселка — Ташково II, ЮАО XIII, Заводоуковское X и Иска III, основой планировки которых служил круг, овал. Площадь их различалась: Ташково II — 1000 м², ЮАО XIII — 3000 м², Заводоуковское X — 1700 м², Иска III — 1000 м². Разным было и количество построек. На Ташково II и Заводоуковском X — 11 по кольцу и 1 в центре, ЮАО XIII — 17, Иска III — 8 по кольцу и 2 примыкавших с юга [Ковалева, 1997а, рис. 3; Ковалева и др., 2000, рис. 5; Рыжкова, 1999, с. 40].

Расстояние между котлованами жилищ было небольшим, 5–6 м на Ташково II, на ЮАО XIII в некоторых местах не превышало 2–3 м. В.Т. Ковалева полагает, что поселение Ташково II было обнесено оборонительной стеной в виде бревен, положенных друг на друга между внешними стенами жилищ [1988, с. 34]. На ЮАО XIII такой оборонительной стены как будто не было [Ковалева, 2005, с. 103]. В 1,5 м к востоку от жилища 4 на Иске III обнаружен ров подковообразной формы [Рыжкова, 1999, с. 41].

Анализ архитектурных остатков, локализация предполагаемых мест отдыха, концентрация находок, по мнению В.Т. Ковалевой и ее коллег, могут свидетельствовать о проживании в каждом жилище от 5 до 7–8 чел. (из расчета 5,5–6 м² пола на одного человека). По результатам таких подсчетов, население Ташково II могло достигать 70 чел. [Ковалева, 1997а, с. 48–50], ЮАО XIII — 100–160 чел. [Козынцева, 1998, с. 189–190; Ковалева и др., 2000, с. 81]. Большая площадь жилищ (свыше 50 м²) позволяет предполагать содержание новорожденных домашних животных в холодное время года в доме [Там же].

В связи с оценкой специфики ташковских поселков возникают некоторые вопросы. Прежде всего, обращает на себя внимание их малая площадь. Представить жизнь 100–160 чел. на столь ограниченной территории — довольно сложно. Отсутствие культурного слоя за пределами внешних стен жилищ означает, что поселок тем или иным образом был огорожен. В противном случае, какой смысл в замкнутой планировке? Однако остатки ограждения не зафиксированы. Представляется, что это противоречие может быть снято при иной реконструкции поселка и домов. Практика показывает, что углубленные в землю постройки имели большую площадь, так как их стены располагались за пределами котлована. Учитывая это, а также малое расстояние между постройками каркасно-столбовой конструкции, можно предполагать наличие смежных перегородок, в том числе общей внешней стены и кровли. Это означает, что поселок мог иметь совершенно иной облик, а площадь построек была гораздо больше (на 10–20 м²). В таком случае количество обитавших на его территории людей, согласно выбранной методике подсчета, увеличивается.

Серьезного внимания в этой связи заслуживает высказанная рядом исследователей версия о культовом характере ташковских поселков. Впервые такая гипотеза была сформулирована Т.М. Потемкиной. Она считает, что подобные поселки «...не являлись стационарными поселениями, а строились целенаправленно и функционировали как церемониальные и в определенной степени административные центры, где ведущую роль играли ритуалы социальной направленности. Это было место собраний родовой и племенной знати, заключения брачных союзов, проведения инициаций и т.п. Здесь могли проживать люди, выполняющие жреческие функции» [Потемкина, 1995, с. 150]. Истоки кольцевой планировки и возникновения подобных святилищ уходят в энеолит. Свидетельством тому — памятники типа Савин, Велижаны.

Высказанная Т.М. Потемкиной версия логична. Дополним ее другими аргументами. В свое время нами была проделана работа по выявлению археологических признаков святилищ [Потемкина и др., 1996]. Для разных культур, территорий, эпох они, по-видимому, будут составлять собственные оригинальные сочетания. Но есть общая черта, которая отличает такие объекты, — иррациональный с точки зрения профанной деятельности комплект находок или свиде-

тельств. Поселки кольцевой планировки мало соответствуют статусу мест, где протекала быденная жизнь. Об этом свидетельствуют: большое количество жилищ на ограниченной площади, что предполагает одновременное проживание (?) крупного коллектива; отсутствие культурного слоя за пределами и малая мощность культурного слоя внутри «кольца», что указывает на кратковременное или эпизодичное использование внутреннего пространства; аномально малое для поселений бронзового века представительство фрагментированной посуды и керамики вообще; выразительный набор каменного инвентаря, включающий подчас большое количество наконечников стрел; специфический керамический комплект, отражающий ядро культуры вне ее связей; отсутствие бытовых построек, хозяйственных ям, малочисленность костей животных, птиц, рыбы. В.Т. Ковалева прямо указывает на сложную композицию и ярко выраженную символику находок ташковских поселений [2005, с. 103]. Добавим наличие автономных культовых комплексов: захоронение двух собак в сопровождении перевернутого вверх дном сосуда на ЮАО XIII [Там же], череп лося под полом жилища на Иске III [Рыжкова, 1999, с. 40].

Коммуникации ташковской культуры отражают немногочисленные инокультурные проявления и собственно ташковские артефакты в кротовских, одиновских и других синхронных комплексах. Типичные ташковские грузила найдены в Среднем Прииртышье в слое кротовского поселения Инберень X [Стефанова, 1986, рис. 2, 2] и многослойного памятника Танатово IX [Тихонов, Татауров, 2002, рис. 5, 14, 15]. На последнем памятнике они сопровождаются двумя десятками черепков ташковской керамики и развалом целого сосуда [Там же, с. 122, рис. 3]. В качестве инокультурных знаков можно отметить фрагменты керамики, сопоставимые с керамикой синташтинского типа Южного Зауралья, найденные на Ташково II [Стефанов, Стефанова, 2001, с. 18–20]. Отстаивание раннеабашевской атрибуции [Ковалева, 1997а, с. 75] подобных черепков вызвано все тем же стремлением доказать хронологический приоритет ташковской культуры. Однако дискуссию о хронологии и соотношении абашевских и синташтинских древностей благодаря сформированной базе данных [Черных, 2007, с. 76; 2008, рис. 10] можно считать исчерпанной. Сопоставление сумм вероятностей для совокупностей калиброванных дат показывает реальную ситуацию совпадения основных значений дат абашевской и синташтинской культур. А это означает, что «абашевский аргумент» вряд ли может рассматриваться в качестве весомого.

Синташтинско-петровские параллели прослеживаются на керамике поселения Ук III [Корочкова и др., 1991, с. 21]. Обязательно стоит упомянуть находку обломка каменной булавы на поселении Заводоуковское XIII. Подобные предметы являются типичным атрибутом культур ПБВ-1, они обнаружены в могильниках сейминско-турбинского (Сопка-2, Ростовка, Сатыга XVI) и синташтинского (Синташта, Каменный Амбар-5 и др.) круга. Наряду с каменными наконечниками стрел треугольной формы они являются ярким фоновым артефактом ПБВ-1. О южных связях ташковской культуры свидетельствует каменное сырье — яшмы южно-уральского происхождения.

Какие еще данные можно использовать для выявления связей ташковской культуры? Самого пристального внимания заслуживает печатно-ребенчатый комплекс в составе ташковского сервиза. Печатно-ребенчатая керамика, характерная для одиновско-крохалевских комплексов, в период ПБВ-1 в лесостепной полосе является своего рода транскультурным артефактом, однослойные поселения с такой керамикой здесь неизвестны [Стефанова, Стефанов, 2007, с. 93]. Ребенчатый комплекс по всем своим характеристикам явно тяготеет к лесной зоне [Глушков, Глушкова, 1992].

По сформировавшемуся в интерпретации В.Т. Ковалевой и ее учеников портрету ташковской культуры может сложиться впечатление о ее полной изолированности. На это прямо указывает отсутствие раздела о связях и контексте культуры в обобщающих монографиях [Ковалева, 1997а; Ковалева и др., 2000] и диссертационном сочинении О.В. Рыжковой [1994]. Полагаю, что информационные ресурсы ташковских материалов на этот счет вовсе не безнадежны, а, напротив, достаточно определены. Учитывая, что в керамическом комплексе обнаруживаются очевидные черты сходства с посудой кротовского, вишневого, логиновского и одиновского типа, есть отдельные экземпляры сопоставимые с синташтинской/петровской, можно предполагать существование связей между их носителями.

Открытым остается вопрос о западных соседях населения ташковской культуры, живших в Среднем Зауралье. М.Ф. Косарев предлагал выделять здесь памятники лайского типа [1981, рис. 27; 1993, с. 76–77], но материал настолько непредставителен, что судить о том, насколько широко простирались эти памятники, сложно. Не исключено, что эту лакуну займут памятники

Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры

карасьеозерского типа [Чаиркина, 2005, с. 195], в которых прослеживаются типичные черты орнаментики ПБВ-1 — отступающе-накольчатая техника и шагающе-проташенная гребенка.

На роль таких соседей могли бы претендовать группы населения, оставившие памятники коптяковского типа. Но примеры ташковско-коптяковских контактов не зафиксированы, в том числе на Андреевском озере, где исследованы и ташковские и коптяковские комплексы. Вряд ли эта ситуация объясняется исключительно с позиции «раньше-позже». Радиоуглеродные даты пос. Чепкуль 20 (некалиброванные значения 3510 ± 45 BP, 3700 ± 45 BP — см. [Зах, Иванов, 2006, с. 19–20, рис. 7]), указывают на их вполне вероятную синхронность на определенном этапе развития.

В качестве северных соседей можно рассматривать население, оставившее комплексы полымьятского типа [Сатыга XVI..., 2011, с. 69] и памятники типа Рыбный Сор, Чилимка, Еска Кондинской низменности, в коллекциях которых, представленных преимущественно печатно-гребенчатой керамикой, встречается в разном количестве посуда, украшенная в отступающе-накольчатой технике, близкая ташковской [Косарев, Галкин, 1989; Адамова, 2001; Глушков, 2005; Глушков, Соболенкова, 2005].

Если исходить из динамики культур ПБВ-1 подтаежного Тоболо-Иртышья, можно допустить продолжительный период существования ташковской культуры по аналогии с кротовской и одиновской. На это указывают синташтинские, петровские и алакульские параллели в ташковских комплексах, относящиеся к различным периодам развития культуры населения бронзового века в степной полосе. В целом ташковская культура производит впечатление некоторой обособленности. Это выражается в крайне скупых проявлениях главных общекультурных признаков бронзового века: металл, производящее хозяйство, погребальная обрядность. Сохранение ориентации на присваивающий тип экономики с приоритетом рыбной ловли существенно отличает ее от других культур ПБВ-1. Добавим не вполне внятную роль металла в системе ее жизнеобеспечения. Культуры региона, перешедшие к активной металлообработке и производящим формам хозяйства, стремительно реагируют на подобные новации: расширяются территория, межкультурные коммуникации, происходят кардинальные перемены в мировоззрении, о чем сигнализируют сложная погребальная и ритуальная практика, археологически представленная характерными погребениями кротовско-елунинского массива, некрополями синташтинского/петровского типа и сейминско-турбинскими мемориалами, появление каменной скульптуры.

Фактор слабых связей указывает на особый статус ташковской культуры в регионе. О неспособности носителей отступающе-накольчатой традиции к тесным и глубоким контактам писал М.Ф. Косарев [2004, с. 131]. Среди культур кротовско-елунинской общности отступающе-накольчатая традиция наиболее ярко выражена в ташковской культуре, которая воспринимается как архаичное образование менее других открытое взаимодействиям. Об этом свидетельствует крайне ограниченный набор «контактных признаков», но более всего — отсутствие следов участия в последующем культурогенезе, ознаменованном формированием культур андронидного облика.

Особая оценка ташковской культуры во многом обеспечена феноменом поселений с кольцевой планировкой, которые нередко сравнивают с круглоплановыми поселениями европейской части [Крижевская, 1993; Ковалева и др., 2000, с. 99]. Однако уместны ли столь прямые параллели? Размеры, архитектура, очевидные фортификационные функции и другие особенности круглоплановых поселений культур Циркумпонтийской провинции с высокоразвитым производящим хозяйством и маленькие поселки (30×40; 60×60 м) ташковской культуры — абсолютно разные по своему содержанию и происхождению явления. Однако сбрасывать со счетов один из самых ярких атрибутов ташковской культуры, конечно, не стоит. Здесь уместно сделать небольшое отступление в область таежной проблематики. Опыт работы в глубинных районах тайги Западной Сибири показывает удивительные примеры высокоразвитой и, казалось бы, абсолютно нелогичной здесь архитектуры. Речь идет о раннем формировании традиции возведения укрепленных поселений и жилищ [Борзунов, 2011, с. 213–226]. Яркий пример — городище эпохи неолита Амня I [Стефанов, Борзунов, 2008]. В этом же ряду можно рассматривать знаменитые неолитические «холмы» таежного Зауралья, которые представляют собой сложные, специальным образом сформированные культовые объекты [Шорин, 2007, с. 37]. Появление некоторых оригинальных феноменов могло иметь абсолютно иную природу, нежели банальное заимствование «отсталых» жителей тайги от «прогрессивных» степи. Об энеолитических святилищах типа Савин, Велижаны, в основе планировки которых лежали примыкающие или вписанные

кольца диаметром 14, 16 м (Савин), 5,2 и 9,2 м (Велижаны), упоминалось выше [Потемкина, 2007, с. 199–210]. Ранние фортификационные опыты таежных и лесостепных аборигенов исследователи связывают в том числе с мифоритуальной практикой.

В научной литературе сложилось устойчивое мнение об индоевропейской принадлежности носителей ташковской культуры, сформированное методичной разработкой этой единственной версии В.Т. Ковалевой. Индоевропейскую линию в культуре отражает, по ее мнению, отступающе-накольчатая керамика, которая похожа на керамику Тентексора, обычай намеренного пожара⁵, числовая символика [Ковалева и др., 2000, с. 100–102; Ковалева, 2005, с. 103–105]. Но выбранная система доказательств и поиска аналогий вряд ли может быть признана удачной [Волков, 1999, с. 162]. Археологические доказательства индоевропейской принадлежности культуры в эпоху бронзы — это, прежде всего, тип производящего хозяйства; каркасно-столбовые традиции домостроительства; особая система погребальной обрядности, воплощенная в курганных захоронениях, скорченных погребениях, жертвоприношениях животных и других характерных чертах [Джоунс-Блей, 2010, с. 121–127]; орудия и украшения, произведенные в традициях технологических стратегий ЦМП; особый антропологический тип. Перечисленные признаки в ташковской культуре отсутствуют. Индоевропейские параллели носят умозрительный характер и археологическими источниками не подтверждаются.

В.Т. Ковалева последовательно развивает тему двухкомпонентного состава культуры, отсюда выводы об экзогамности, возможности выделения фратрий. Они, бесспорно, интересны и заслуживают внимания, но нуждаются в уточнении. Ташковская культура действительно многокомпонентна, как, впрочем, и все культуры этого периода, что составляет характерную особенность культурогенеза периода становления металлоносной эпохи. Археологически это нашло отражение в появлении синкретических комплексов, в «...которых как бы механически скрецивались черты различных культурных образований» [Бочкарев, 1991, с. 25]. Характерным для данного периода является также сочетание признаков новационных и архаичных, свидетельствующих о несовпадении темпов новаций в различных отраслях жизни населения. И вряд ли следует ограничивать количество культурных компонентов только отступающе-накольчатым и печатно-гребенчатым, стоит принять во внимание и шагающе-протащенный. В таком ракурсе ташковская культура предстает как типичное образование кротовско-елунинской общности, связанное своим происхождением с местным энеолитическим субстратом. Переход к бронзовому веку во многом зависел от природных и сырьевых ресурсов вмещающего ландшафта, а также от готовности местного населения к переменам. В этом смысле носители ташковской культуры Нижнего Притоболья продемонстрировали особый путь развития, отмеченный слабой интегрированностью в систему связей формирующейся Евразийской (Западно-азиатской) металлургической провинции. При выяснении генезиса ташковской культуры первоочередного внимания требуют таежный и самусьский факторы. Полагаю, что разработка этого сюжета способна прояснить особенности «поведения» носителей отступающе-накольчатой традиции в регионе в эпоху бронзы. Тем более что действие восточного импульса в формировании Евразийской металлургической провинции очевидно [Черных, 2009, с. 244–280], и он отнюдь не исчерпывался влиянием носителей сейминско-турбинских традиций, но включал и иные культурные группы.

В условиях удаленности от основного центра культурных новаций кротовско-елунинского культурного массива, но близости к альтернативному очагу культурогенеза — синташтинскому, ташковская культура отреагировала формированием комплекса самобытных черт, появлением поселков с кольцевой планировкой, которые выполняли функции культовых центров. Большое количество культовых памятников именно на периферии ареала — своего рода ответная реакция маргинального образования, информационные связи которого с культуурообразующим центром, в силу удаленности от него, ослаблены. При этом необходимость в применении адекватных мер для сплочения и поддержания своего особого статуса в условиях близости сильных соседей высока. Такие сакральные центры возникали именно на границе, определяя линию «свой-чужой». В качестве примера можно привести большое количество культовых памятников сузгунской культуры, располагавшихся по Иртышу и обозначавших северную границу ее ареала и ареала культур производящего круга в регионе [Потемкина и др., 1995, с. 98–100]. Не исклю-

⁵ Аргумент «мирового пожара» и намеренного поджога вызывает серьезные сомнения, так как не доказан собственно факт пожара ташковских поселений. Здесь не зафиксированы углистые и зольные слои, прокалы. Ссылок на обуглившиеся бревна около некоторых стен котлована совершенно недостаточно для столь далеко идущих выводов.

Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры

чено, что консолидации способствовал и фактор ограниченной компактной территории ташковской культуры, что не характерно для культур, перешедших к производящей экономике.

Завершая обзор, хотела бы обратить внимание на главную особенность «ташковской библиографии» — интерпретации опережают подробные публикации материала и тем самым лишают других исследователей возможности равноправного участия в дискуссии. В свое время А.А. Формозов сетовал на то, что «...достаточно обычными стали стремление получить от материала неизмеримо больше, чем в нем на самом деле содержится, и манера изложения, при которой читатели не в состоянии проверить степень обоснованности выводов автора» [1977, с. 9]. Из обозначенных проблемных ситуаций вытекает необходимость критики источника и следующие исследовательские задачи:

1. Подробная публикация раскопанных памятников, включающая полную информацию о всех выявленных культурно-хронологических комплексах, особенностях стратиграфии, детальные планы объектов в сопровождении разрезов.

2. Составление карты памятников, ситуационный анализ соотношения поселений с кольцевой и нерегулярной планировкой. Сравнительный анализ артефактных наборов памятников различного типа. Выявление комплекта фоновых и специфических признаков ташковских комплексов.

3. Подробный анализ коллекций с точки зрения информационных связей и локальных особенностей. Установление всех адресов проявлений ташковской культуры в сопредельных комплексах.

4. Химический анализ металлических предметов, интерпретация результатов.

5. Выяснение соотношения ташковских и коптяковских комплексов в Тюменском Притоболье.

6. Особого внимания заслуживает проблема связей ташковской и самусьской культур, особенности генезиса и исторические судьбы носителей отступающе-накольчатой орнаментальной традиции в западно-сибирском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамова Н.Ю. Керамические комплексы памятников бассейна реки Демьянки // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: РИО СургГПИ, 2001. С. 50–57.

Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 170–238.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культуригенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культуригенез в историческом аспекте: Матер. методол. семинара ИИМК РАН. СПб., 1991. С. 24–27.

Волков Е.Н. К вопросу об этнической атрибуции населения ташковской культуры // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф. Тюмень: ИПСО СО РАН, 1999. С. 161–163.

Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.

Глушков И.Г. Характеристика текстильной керамики Чилимского микрорайона (низовья Конды) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут: РИО СургГПИ, 2005. С. 34–44.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1992. 130 с.

Глушков И.Г., Соболяникова Т.Н. Керамические комплексы низовий Конды эпохи ранней бронзы: Анализ и интерпретация декоративных и технологических стандартов // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут: РИО СургГПИ, 2005. С. 45–65.

Джоунс-Блей К. Индоевропейский погребальный обряд, Ригведа и Авеста // Аркаим — Синташта: Древнее наследие Южного Урала. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. Ч. 1. С. 118–129.

Зах В.А., Иванов С.Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2006. № 7. С. 12–21.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 333 с.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 29–47 (ВАУ; Вып. 19).

Ковалева В.Т. Проблемы этнической идентификации населения ташковской культуры // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: Матер. конф. Челябинск, 1995. Ч. 5. Кн. 1. С. 69–72.

Ковалева В.Т. Космогонические представления населения ташковской культуры // Археoaстрономия: Проблемы становления: Тез. докл. междунар. конф. М., 1996. С. 76–80.

- Ковалева В.Т.* Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: УрГУ, 1997а. 131 с.
- Ковалева В.Т.* «Язык жрецов» (по материалам поселения Ташково II) // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. Кемерово: КемГУ, 1997б. С. 104–107.
- Ковалева В.Т.* Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 102–109.
- Ковалева В.Т.* Ранний бронзовый век Нижнего Приобья: ташковская культура // Современные проблемы археологии России: Матер. Всерос. археол. съезда. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 393–395.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.* Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.
- Козынцева Н.Н.* Палеодемографический аспект изучения ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 184–195.
- Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тобол-Иртыше: факторы, механизмы, динамика: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 38 с.
- Коряков Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 71 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 287 с.
- Косарев М.Ф.* Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция) // Российский этнограф. М.: Центр прикл. этнографии, 1993. Вып. 4. 283 с.
- Косарев М.Ф.* Миграция как модель исторического процесса по сибирским археолого-этнографическим материалам // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН, 2004. С. 123–136.
- Косарев М.Ф., Галкин В.Т.* Поселение Юргаркуль III Нижнем Приобье // КСИА. 1989. Вып. 209. С. 50–58.
- Косинцев П.А.* Хозяйство ташковской культуры // XIV Урал. археол. совещ.: Тез. докл. Челябинск, 1999. С. 82–83.
- Крижевская Л.Я.* Значение культурных связей для организации поселений и домостроительства эпохи ранней бронзы в Южном Зауралье // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XIII Урал. совещ. Екатеринбург, 1993. С. 107–108.
- Матвеев А.В.* Первые следы взаимодействия алакульских и ташковских племен Приобья // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 48–52.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.
- Молодин В.И., Ламина Е.В.* Керамика могильника Сопка-II // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 103–118.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* Т. 1. Кн. 1. Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 485 с.
- Потемкина Т.М.* О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: Матер. конф. Челябинск, 1995. Ч. 5. Кн. 1. С. 144–154.
- Потемкина Т.М.* Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 197–223.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 205 с.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* О культовых памятниках лесного Тоболо-Иртышья конца эпохи бронзы // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь: Соликам. гос. пед. ин-т, 1996. С. 70–73.
- Рыжкова О.В.* Ташковская культура в Нижнем Приобье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 18 с.
- Рыжкова О.В.* Исследование поселения Искра III (ташковская культура) // 120 лет археологии Восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. Ч. 2. С. 40–43.
- Сатыга XVI:* Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Е.М. Беспрозванный, А.Д. Дегтярева, О.Н. Корочкова и др. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. 192 с.
- Стефанов В.И.* Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. С. 97–112.
- Стефанов В.И., Борзунов В.А.* Неолитическое городище Амня 1 (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 93–111.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Урефты I: Зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 160 с.
- Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 15–22.

Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры

Стефанова Н.К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 38–47.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 53–75.

Стефанова Н.К., Стефанов В.И. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Курган: Изд-во Кург. ун-та, 2007. С. 84–94.

Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Поселение Танатово-IX // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. С. 121–129.

Формозов А.А. О критике источников в археологии // СА. 1977. № 1. С. 5–14

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. 5: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки слав. культуры, 2007. 200 с.

Черных Е.Н. Формирование Евразийского степного пояса скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2009. 624 с.

Шаманаев А.В., Симонов А.В. Рыболовство ташковской культуры // ВАУ. 1998. Вып. 23. С. 205–215.

Шорин А.Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Курган: Изд-во Кург. ун-та, 2007. С. 30–42.

*Екатеринбург,
Уральский федеральный университет
Olga.Korochkova@usu.ru*

The article is devoted to investigation of the Tashkovo culture of the Bronze Age from Low Tobol basin. The root of a long running and often unfruitful discussion lies, as the author sees it, in a limited circle of participants; as well as in vulnerability of suggested interpretations tending to advance the analysis of obtained data. The author motivates a need of criticism regarding the attracted sources and culture analysis in terms of being included into a general context of a developing Eurasian (West Asian) metallurgical province of the late Bronze Age.

Bronze Age, Low Tobol basin, the Tashkovo culture, Seimino-Turbino.